

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2010
XIX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
612
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XIX

Экспресс-выпуск • Express-issue

2010 № 612

СОДЕРЖАНИЕ

- 2051-2061 Михаил Аркадьевич Фирсов (1879–1941) –
орнитолог, краевед и натуралист.
И. ФРАНКЪЕН, Е. Э. ШЕРГАЛИН,
Е. В. НОВОМОДНЫЙ
- 2062-2063 Китайская качурка *Oceanodroma monorhis* в
окрестностях Владивостока. М. А. ФИРСОВ
- 2064-2067 Наблюдения над редкими и малоизвестными
птицами Московской губернии.
А. М. КАМИНСКИЙ
- 2067-2071 К вопросу о полноте изучения
орнитологической фауны Московской
губернии. Г. И. ПОЛЯКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Санкт-Петербург 199034 Россия

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIX
Express-issue

2010 № 612

CONTENTS

-
2051-2061	Mikhail Arkadievich Firsov (1879–1941) –
ornithologist, regional ethnographer and naturalist.
Y. FRANQUIEN, E. E. SHERGALIN,
E. V. NOVOMODNY
2962-2063	The Swinhoe's storm-petrel <i>Oceanodroma</i>
<i>monorhis</i> near Vladivostok. M. A. FIRSOV
2064-2067	Observations on seldom and little known birds
of the Government of Moscow. A. M. KAMINSKY
2067-2071	On the insufficient study of the ornithological fauna
of the Government of Moscow. G. I. POLIAKOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Михаил Аркадьевич Фирсов (1879-1941) – орнитолог, краевед и натуралист

И.Франкьен¹⁾, Е.Э.Шергалин²⁾, Е.В.Новомодный³⁾

1) Музей русской культуры Сан-Франциско, США. E-mail: yvesf@yandex.ru

2) Мензбирское орнитологическое общество, Эстония. E-mail: zoolit@mail.ru

3) Хабаровский филиал ТИНРО, Россия. E-mail: evgenov@mail.ru

Поступила в редакцию 12 октября 2010

Пришло время собирать камни и вспоминать тех, кто несмотря на политические и военные конфликты и коллизии двадцатого века своим честным трудом внёс весомый вклад в развитие отечественной и мировой науки. Имя русского зоолога (в анкетах он определял себя по специализации как орнитолога или «главным образом орнитолога»)* и краеведа Михаила Аркадьевича Фирсова было надолго вычеркнуто из справочников советского периода. Дело в том, что летом 1931 года, предчувствуя неминуемый арест, он вместе с супругой Еленой Николаевной бежал из СССР в Маньчжурию. Если бы не эта вынужденная эмиграция и ранняя смерть, то он, несомненно, был бы репрессирован, как и большинство видной научной интеллигенции Дальнего Востока, в тридцатые-пятидесятые годы. Действительно, такая участь была настолько характерна, что неудивительно, когда об этом автоматически сообщается и в отношении Фирсова, например, в статье по истории музейного дела в Приморском крае (Е.А.Поправко, ссылка в Интернете). Но в данном случае это неверно. Совместными усилиями нам удалось собрать воедино достаточно много сведений, чтобы иметь возможность написать об этом интересном человеке, вернуть его доброе имя. Наиболее полным из известных нам источников является биография М.А.Фирсова, опубликованная уже после освобождения Китая. По всей видимости, она основана на материалах личного дела и воспоминаниях друзей и коллег (Жернаков 1945). Используя её как основу, мы добавили к ней документальные сведения из хабаровских и американских архивов и достоверные факты из редких изданий.

Дворянин Михаил Аркадьевич Фирсов родился 9 мая (27 апреля ст. стиля) 1879 года в городе Клин Московской губернии в семье помещика, владевшего под Клином имением Алмазовка†. Получив в качестве базового лишь домашнее образование, он экстерном сдал экза-

* Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830 (БРЭМ). Оп. 3. Д. 49785; а также Архив Хабаровского музея Д. 273.

† В одном из газетных некрологов, сообщавших о его кончине в 1941 году, годом рождения М.А.Фирсова назван 1883-й.

Михаил Аркадьевич Фирсов. 1927 год.

мены на аттестат зрелости в Московском реальном училище только в 1900 году. В том же году М.А.Фирсов поступил в Московский университет на естественно-историческое отделение физико-математического факультета, но проучился здесь всего лишь два года. С детских лет увлекаясь охотой, а с 1898 года – ещё и изготовлением чучел*, Михаил Аркадьевич прошел двухгодичный курс Московской школы таксидермии. К сожалению, нам практически ничего не известно о его родственниках, кроме того, что в 1924 году у него на иждивении находился престарелый двоюродный брат с женой. В некрологе о смерти Михаила Аркадьевича, напечатанном в харбинской газете, указывалось, что он приходился племянником бывшему военному министру Виктору Викторовичу Сахарову (1848-1905), застреленному эсеркой в Саратове в доме П.А.Столыпина†. В этой связи не удивительно, что М.А.Фирсов бросил учёбу в университете и выбрал карьеру военного.

«В 1902 г. он определяется в Николаевское Кавалерийское училище, но до получения диплома переходит в Виленское Военное училище, по окончании которого [в 1904 г.] отправляется на Русско-Ниппон-

* Архив Хабаровского музея. Д. 273.

† «Заря. Ежедневная демократическая газета» (Харбин. – 1941. – 20 февр. (№ 46).

скую войну. В чине подпоручика 36-го Восточно-Сибирского Стрелкового полка он участвует в ряде боевых операций, имеет ранения и получает ряд отличий; в августе 1905 г. назначается адъютантом своего полка; по окончании войны попадает со своим полком во Владивосток [дислоцировался на Русском острове], где и проживает до Великой войны. Будучи на военной службе, Михаил Аркадьевич занимается также научной работой, состоя с 1906 г. членом Приамурского Отделения Императорского Русского Географического Общества [Владивостокского филиала: Общества изучения Амурского края]. В 1908 г. он возглавляет экспедицию с целью экономико-географического описания района от ст. Уссури до Хабаровска, а в 1910 г. производит обследование оленеводства вдоль побережья от Владивостока до бухты Святой Ольги. Осенью того же года он посещает Посыетский район, производя орнитологические наблюдения. Наконец, в 1911 г. он отправляется в Барабашский район в Кедровую падь для биологических наблюдений, и в 1912 г. снова возглавляет экспедицию на Камчатку для производства зоологических наблюдений в районе Ключевской сопки. В следующем году он обследует побережье Охотского моря и Шантарские острова» (Жернаков 1945, с. 7-8).

Михаил Аркадьевич Фирсов

Поскольку отчёты об этих зоологических исследованиях не были опубликованы, как, например, у В.К.Арсеньева, мы полагаем, что они, скорее всего, не выходили за рамки личной инициативы М.А.Фирсова

и были связаны со спортивной охотой и таксидермией. Из его анкеты 1924 года: «На Дальнем Востоке занимается собиранием коллекций с 1907 г. Поставил коллекции животных и птиц в бывшие учебные заведения г. Владивостока: 3, 5, 6, 7 Высшие Городские Начальные и Коммерческое училища, Городскую Гимназию. По поручению Общества изучения Амурского края готовил чучела для музея этого общества, в том числе: северного оленя, горного барана и прочие». Видимо, он занимался таксидермией увлечённо и активно. В документальном фонде Хабаровского краевого музея сохранилось его письмо, датированное 15 марта 1914 года, с предложением купить за 900 рублей коллекцию из 100 (!) чучел для экспозиции. Но директор, В.К.Арсеньев, наложил резолюцию: «Дорого и денег нет»*.

В то же время писать Михаил Аркадьевич умел. Об этом красноречиво свидетельствует составленная им 83-страничная «Памятка боевой службы 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка» (Фирсов 1908).

«С возникновением Великой войны Михаил Аркадьевич прерывает свои научные занятия и отправляется на германский фронт в должности командира роты упомянутого уже выше полка, но вскоре заболевает воспалением лёгких и переводится в госпиталь в Москву. В 1915 г. он назначается помощником старшего адъютанта Штаба Двинского Военного Округа на театре военных действий, в каковой должности находится до 1918 г. В следующем, 1919 г., он увольняется по болезни в отставку с производством в подполковники, и, наконец, в 1920 г. окончательно расстаётся с военной службой. По окончании Великой войны Михаил Аркадьевич возвращается во Владивосток и посвящает себя любимому делу изучения фауны, занимаясь преимущественно орнитологией. В 1919 г. он едет для наблюдения за жизнью пятнистых оленей в Барабашский район, в Кедровую падь; в течение весны и осени 1920 г. он производит зоологическое обследование островов: Путятина, Аскольд, Рейнеке, Римского-Корсакова и Фуругельм, а в следующем, 1921 г., совершает зоологическую экспедицию на полуостров Песчаный и мыс Гамова» (Жернаков 1945, с. 8). В анкете БРЭМ (1935 г.) Фирсов указал, что «последний чин – полковник», а в 1924 году – «по болезни и ранению уволен в отставку в 1917 г.; в войсках белых не служил; до 1922 г. занимался сельским хозяйством в окрестностях Владивостока (Русский остров)». Причины несовпадения дат нам понятны: они связаны с политическим моментом – тем, чья была в данный момент власть.

В 1920 году во Владивостоке Постановлением Временного Правительства Приморской областной земской управы от 17 апреля на базе Восточного института и двух частных факультетов (юридического и ис-

* Фонд ХКМ. Д. 7872 Л. 673.

торико-филологического) открылся Государственный Дальневосточный университет (ГДУ). Преподавателей с высшим образованием в то время катастрофически не хватало, поэтому многие местные специалисты нашли себя в этом качестве. «Препаратор позвоночных при Зоологическом кабинете» – такую должность занимал М.А.Фирсов в 1924 году. Таким образом, его хобби – таксидермическое искусство – стало для него основным занятием. «Для Всероссийской выставки в Москве в 1923 году приготовил коллекцию чучел зверей и птиц в 146 экземпляров, в том числе чучело сивуча. За работы на выставку получил благодарность «за отличное выполнение работ»*.

Естественно, Михаилу Аркадьевичу хотелось расширения сферы приложения сил, ведь он принадлежал к числу деятельных практических натур. Приходилось преломлять себя, ведь в те времена можно было раздобыть деньги только на дела, сулящие прибыль. В анкете БРЭМ он так написал об этом периоде: «С 1924 по 1932 г.[†] – Владивосток, Директор [короткое время, в основном – консерватор (хранитель)] Государственного [Владивостокского] музея, преподаватель Университета, Директор Акционерного общества «Приморский зоопитомник». Состоя членом Общества изучения Амурского края (ОИАК), в 1926-1927 годах работал там учёным секретарем. Этот период деятельности Михаила Аркадьевича, вплоть до бегства в Маньчжурию, хорошо изучил известный дальневосточный историк и писатель А.А. Хисамутдинов. Вот что он пишет о зоопитомнике в своей книге.

«Важным шагом в деле охраны природы было создание Зоологического питомника на островах залива Петра Великого по инициативе членов ОИАК. 2 апреля 1926 г. была организована комиссия в составе И.В.Пашкевича, С.Д.Аносова, Г.Н.Гассовского и М.А.Фирсова, которая произвела осмотр островов. Владивостокский окрисполком тоже поддержал эту идею и на заседании 20 августа заявил о желательности совместной работы ОКРЗУ и Географического общества на о. Рикорда, а также о производстве научно-зоологических опытов на о. Попова (ОИАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. Пятилетний план работ ВОГГО. Л. 3.), где было решено создать подстанцию Зоопитомника ОИАК. Для этого военное ведомство выделило ОИАК на острове 70 квадратных вёрст, куда сразу же завезли материал для ограждения этого участка. На Попове решили провести опыты по разведению пятнистого оленя, а с целью прекращения браконьерства было принято решение объявить остров заказником. В отчёте Общества за 1926 г. отмечалось: “Ввиду того, что за последние годы наблюдается большое истощение наших охотничьих

* Архив Хабаровского музея Д. 273.

[†] Фирсов, по нашему предположению, опять же по политическим причинам специально указал в этом документе 1932-й годом бегства из СССР: по-видимому из-за того, что японцы в том же году оккупировали Маньчжурию, т.е. якобы перебежал под защиту японцев.

пушных богатств в крае (как и вообще по всему Союзу) и ввиду того, что у наших соседей наблюдается колоссальный рост звероводческих предприятий, наше общество как берущее на себя задачу быть во главе исследовательских научных интересов нашего округа, с такими богатыми пушными ресурсами, как наше Тихоокеанское побережье, не могло оставаться пассивным в деле установления научных опытов по звероводству, ввиду чего и приступило к организации своего зоопитомника” (Организация зоологического питомника // ВОГГО (ОИАК): Годовой отчёт с 1-го окт. 1925 г. по 1-ое окт. 1926 г. - Владивосток: Тип. 17, Б.г. С. 13).

В сентябре 1926 г. М.А.Фирсов оборудовал на о. Попова Приморский зоопитомник, где был построен дом, устроен загон для пятнистых оленей, выписаны из Америки 12 скунсов, также имелось пять лисиц, пять уссурийских енотов и десять голубых кроликов. Существовала договорённость о поставке в питомник двух голубых песцов, для чего была получена финансовая поддержка Дальхотсоюза. В предисловии к руководству по звероводству “Промышленное разведение лисиц” М.А.Фирсов пишет: “Главным тормозом в деле звероводства у нас является то обстоятельство, что мы слишком бедны специалистами-практиками по этому делу. Теоретиков, и довольно хороших теоретиков, много, но чувствуется большой недостаток в людях практики, могущих вплотную подойти к этому делу, имевших личный опыт по выращиванию и приручению зверя, таких людей у нас чрезвычайно мало, и этот пробел необходимо восполнить путём соответствующей подготовки настоящих звероводов-практиков” (Фирсов 1927, с. 4).

Предполагалось на основе зоопитомника открыть во Владивостоке зоопарк в Минном городке (решение общего собрания ОИАК от 10 апреля 1928 г.). На следующий год ОИАК, Дальхотсоюз и Владивостокское промыслово-кооперативное товарищество охотников учредили Приморский зоопитомник (нотариальное соглашение от 20 мая 1928), директором которого стал М.А.Фирсов. Шагом в признании авторитета Общества в охране природы послужила передача Приморским окрисполкомом под охрану ему так называемого “птичьего базара” на о. Карамзина. Общество объявило этот остров птичьим заповедником (решение общего собрания от 9 апреля 1927). Через много лет эти идеи ОИАК претворились в жизнь при создании Морского заповедника на островах залива Петра Великого. В 1928 г. в Приморском зоопитомнике проводилась большая работа. У зоопитомника имелось два отделения: одно на о. Попова, где занимались разведением зверей, другое – во Владивостоке, где на радость владивостокцам открылся небольшой зоопарк. Там же занимались скупкой живых животных, вели научные исследования, отправляли животных в другие зоопарки страны» (Хисамутдинов 2004, с. 188-189).

Как отставной офицер царской армии, М.А.Фирсов состоял на учёте в ОГПУ и обязан был еженедельно отмечаться там, давать показания. Аресты «бывших» начались уже в начале тридцатых годов. Понимая угрожающую опасность, он вместе с женой выехал на джонке из города Владивостока и нелегально перешёл границу в современном Хасанском районе. Перевалив Чёрные горы, они вышли в Санчагоу, а оттуда перебрались в Мулин. При этом была стычка с китайскими полицейскими в виде «мордобития» и кутузки, но всё обошлось. И в Маньчжурии он, помимо таксидермии, продолжал заниматься вопросами звероводства и оленеводства.

Обосновавшись в 1931 году в Харбине, осенью этого же года он принимает участие в качестве зоолога-препаратора в Первой экспедиции Института изучения культурного развития Особого района Восточных провинций (ОРВП) в район озера Цзинбо-ху, после чего вскоре поступает на службу в Музей вышеупомянутого Института как таксидермист. Здесь им с большим художественным вкусом были сделаны чучела и биологические группы млекопитающих и птиц – так, как этого требует современная таксидермия. В 1931 году Михаил Аркадьевич вступает в число действительных членов Клуба естествознания и географии Х[ристианского] С[оюза] М[олодых] Л[юдей], выступая на его заседаниях с интересными докладами, посвящёнными вопросам звероводства и биологии животных. В 1935 году Михаил Аркадьевич принимает участие в зоо-ботанической экспедиции Научно-исследовательского института Северной Маньчжурии на озеро Далай-нор. В 1936 году при Научно-исследовательском институте Северной Маньчжурии организовывается Зоопитомник, который возглавляет Михаил Аркадьевич и в должности заведующего состоит до самой смерти. Главное внимание он уделяет промышленному оленеводству, с каковой целью осенью 1936 года предпринимает поездку в Хуадянь и Шуанян для ознакомления с постановкой оленеводства у местного населения, а в сентябре 1937 года едет в Инкоу для обследования рынка пантов, а также посещает Сифынь, знакомясь с оленеводческим хозяйством в этом районе. В 1937 году вступает в Маньчжурское биологическое общество, где на его открытии 28 февраля, в Мукдене, выступает с докладом на тему: «Влияние пантов на человеческий организм и его омолаживание», впоследствии опубликованном в Бюллетене научно-исследовательского института Да-лу.

«Михаил Аркадьевич Фирсов умер 18 февраля 1941 г. после непродолжительной, но тяжкой болезни, на 62 году жизни» (Жернаков 1945). Как свидетельствует один из газетных некрологов – от уремии. Выходившая в Харбине «Заря. Ежедневная демократическая газета» сообщает 20 февраля 1941 года (№ 46): «М.А. до последнего времени чувствовал себя сравнительно бодро и только за три дня до смерти

ввиду сильного внезапного недомогания принужден был лечь в больницу доктора Ильина, где и скончался». Глубинные причины инфекционного заболевания по уровню развития тогдашней медицины остались неизвестными, но, судя по скорости развития острой почечной недостаточности, болезнь очень напоминает природно-очаговую дальневосточную геморрагическую лихорадку с почечным синдромом (ГЛПС), распространяемую мышевидными грызунами через испражнения. Одному из авторов (Е.Н.), работавшему с архивом БРЭМ, бросилась в глаза частота, обыденность внезапных смертей среди русского населения. Это косвенно говорит об очень неблагоприятной эпидемиологической обстановке в Маньчжурии в те годы.

Сотрудники Научно-исследовательского института изучения культурного развития
Особого района Восточных провинций (ОРВП). Харбин, январь 1932 года.

Одному из нас (И.Ф.) в архиве Музея русской культуры в городе Сан-Франциско* посчастливилось обнаружить две фотографии, на которых среди коллег изображён Михаил Аркадьевич Фирсов.

Первая фотография (с. 2058) сделана в январе 1932 года в Харбине (Маньчжурия, Китай). На ней запечатлены научные и технические сотрудники Научно-исследовательского института изучения культур-

* Музей русской культуры в Сан-Франциско. Личный архив и библиотека А.С. Лукашкина. Конверт с крупными фотографиями. Папка «ОИМК»

ного развития Особого района Восточных провинций (ОРВП). Анатолий Степанович Лукашкин сидит вторым слева, а Михаил Аркадьевич Фирсов стоит посередине, между двумя китайцами.

На второй фотографии (с. 2059) мы видим группу участников Первой экспедиции Института изучения культурного развития ОРВП перед отъездом из Харбина 10 сентября 1931 года. Вот русские сотрудники (на снимке все лица обозначены цифрами): 2-й М.А.Фирсов – препаратор, 3-й Э.Э.Анерт – помощник начальника экспедиции, 4-й Б.В.Тюшов – геолог-коллектор, 7-й В.В.Поносов – начальник палеоантропологического отдела, 8-й А.С.Лукашкин, 9-й – М.И.Иевлев – технический сотрудник палеоантропологического отдела экспедиции.

Участники Первой экспедиции Института изучения культурного развития ОРВП перед отъездом из Харбина 10 сентября 1931 года.

Ещё две фотографии Михаила Аркадьевича Фирсова найдены в Хабаровске и представлены в начале нашей статьи. Первая (с. 2052) сделана с копии выпускной фотографии лесного факультета Государственного Дальневосточного университета (ГДУ) в 1927 году (архив Е.В.Новомодного). Вторая (с. 2053) обнаружена в его деле, хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края [ГАХК, Ф. 830 (БРЭМ). Оп. 3. Д. 49785].

Местонахождение личного архива Михаила Аркадьевича Фирсова нам неизвестно. Возможно, там находились его неопубликованные работы, записи, наблюдения, как это явствует из ещё одного некролога, вышедшего ко дню освящения надгробного памятника Фирсову в 1942 году: «в последнем бюллетене Научно-исследовательского континентального института [Далу] в Синьцзине помещена специальная статья, посвященная памяти покойного М.А.Фирсова. Статья написана [на японском, английском (?)] его сотрудником по научной работе Л.М.Яковлевым [библиотекарем музея] ко дню первой годовщины смерти М.А. В статье широко освещена научная деятельность покойного, дано его жизнеописание, печатные труды по зоологии и другим отраслям науки. В последние годы М.А.Фирсов занимал должность заведующего Харбинской зоологической экспериментальной станцией института Далу и за это время сделал много интересных и ценных наблюдений над жизнью диких животных в неволе. Часть этих трудов напечатана»*.

«Характерной чертой Михаила Аркадьевича была его особенная привязанность к животному миру; он любил животных и умел к ним подойти, за что последние отвечали ему доверием. Будучи большим любителем природы, он наблюдал среди её красот дорогой ему мир зверей и птиц.

Михаил Аркадьевич носил в себе воспоминания интересной эпохи, свидетелем которой он был и о которой умел прекрасно рассказывать в кругу своих знакомых, нередко выступая как тонкий юморист. С его смертью мы потеряли не только большого специалиста по звероводству, талантливого таксидермиста и любителя природы и животного царства, но и человека редкой духовной культуры, прекрасного семьянина, товарища, чутко относящегося ко всем нуждам своих коллег, друзей и знакомых. Да будет ему маньчжурская земля пухом» (Жернаков 1945).

Итак, если положено судить о человеке по его делам, то имя Михаила Аркадьевича Фирсова должно занять подобающее ему место среди отечественных зоологов. В качестве приложения к этой статье в «Русском орнитологическом журнале» переиздаётся статья М.А.Фирсова о китайской качурке, хранящаяся также в Музее русской культуры в Сан-Франциско.

В заключение считаем приятным долгом поблагодарить за оказанное содействие А.А.Хисамутдинова (Владивосток) и Музей русской культуры в Сан-Франциско и лично председателя правления музея Н.А.Корецкого за возможность поработать с неописанными коллекциями и любезное разрешение публикации архивных материалов и фотографий.

* «Заря. Ежедневная демократическая газета» (Харбин). – 1942. – 19 ноября (№ 309).

Литература

- Жернаков В.Н. 1945. Памяти Михаила Аркадьевича Фирсова // *Изв. Клуба естествознания и географии ХСМЛ*. Зоол. 1: 7-9.
- Поправко Е.А. *Музееведение. Глава 2. 3. История музейного дела в Приморском крае* – <http://abc.vvsu.ru/Books/muzeebed/default.asp>
- Фирсов М.А. 1908. *Памятка боевой службы 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Для стрелков*. 2-е изд. Владивосток: 1-83.
- Фирсов М.А. 1927. *Промышленное разведение лисиц*. Владивосток: 1-4 (Зоол. питомник Владивост. отд. Гос. Геогр. общ-ва. Вып. 1)
- Фирсов М.А. 1928. *Краткая инструкция по ловле живьем зверей и птиц, содержания их и транспортировке*. Владивосток: 1-17 (Примор. зоопитомник. Вып. 2).
- Фирсов М.А. 1928. Качурка китайская (*Oceanodroma monorchis*, Swinhoe) в окрестностях Владивостока // *Зап. Владивост. отд. РГО (ОИАК)* 1 (18): 71-73.
- Фирсов М.А. 1934. В Великом Харбине должен быть организован зоологический парк // *Ежегодн. Клуба естествознания и географии ХСМЛ* 1: 183-185.
- Фирсов М.А. 1936. [Разведение диких зверей в С. Маньчжурии] // *[Report of the Manchuria Research Institute]* 1: 1-4 (на яп. яз.).
- Фирсов М.А. 1936. [Значение пантов в промышленности и в китайской медицине] // *[Report of the Manchuria Research Institute]* 1: 5-18 (на яп. яз.).
- Фирсов М.А. 1936. [Промышленное разведение колонков] // Газета «Гун-Бао». № 3241. Харбин. 6 декабря 1936 г.
- Фирсов М.А. 1937. [Влияние пантов на человеческий организм и его омолаживание] // *[Bulletin of the Institute of Scientific Research]* 1, 2: 107-109 (на яп. яз.).
- Фирсов М.А. 1945. *Промышленное разведение пятнистых оленей в Северной Маньчжурии*. Харбин: 1-9 (Отд. отт.).
- Хисамутдинов А.А. 2004. *Общество изучения Амурского края: события и люди. Ч. I: Монография*. Владивосток: 1-276.

Китайская качурка *Oceanodroma monorhis* в окрестностях Владивостока

М.А.Фирсов

Второе издание. Первая публикация в 1928*

О п и с а н и е : Голова, шея и грудь чёрного цвета, с едва заметным свинцово-голубоватым отливом. Верхняя и нижняя часть туловища тёмные, с коричневатым оттенком, причём коричневатый оттенок нижней части туловища более интенсивен. Верхние кроющие крыла тёмно-коричневые с концами светло-коричневого цвета. Хвост пилообразный. Ноги, клюв и радужина чёрные. Размеры: длина 19.5 см, размах 42 см, плюсна 2.4 см, клюв 1.8 см.

У М.А.Мензбира (1895, Т. 1, с. 55) и у В.Л.Бианки (1913, с. 559) о китайской качурке *Oceanodroma monorhis* (Swinhoe, 1867) в отношении её распространения говорится, что кроме сведений о том, что коллекторам-братьям Doretries удалось добыть эту качурку в Амурском заливе, к западу от Владивостока, других данных по её распространению в пределах России нет и она считалась обычной обитательницей подтропической части Тихого океана, где распространена от побережья юго-восточной Азии на юге до островов Риукиу на севере.

В 1924 году мне удалось случайно открыть место гнездования этой качурки в 9-10 морских милях к юго-западу от Владивостока, на одном из маленьких островков группы Верховского.

24 мая 1924, подъезжая на лодке к одному из островов Верховского, я увидел стаю этих птиц, сидящих на берегу вблизи моря. Когда я вышел на остров, то вскоре обнаружил и их гнёзда: на каменистом берегу острова, среди камней, как бы в естественных лунках, были расположены гнёзда без всякой постилки, в каждом лежало по одному яйцу длиной около 30 мм и шириной 22 мм, чисто-белого цвета. В некоторых гнёздах, а их мне удалось найти 15, находились яйца с розовыми точками и пятнышками. Некоторые яйца были с едва развитыми зародышами, а некоторые со сформировавшимися птенцами. Вылупившихся птенцов не было ни в одном гнезде. Я убил двух птиц, спугнутых с гнёзд: обе оказались самцами.

При приближении к гнёздам птички эти особого беспокойства не обнаруживали и относились к нам довольно безучастно и неробко. Видимо, их тут человек мало беспокоит. Надо сказать, что группа островков, или вернее камней, Верховского довольно труднодоступна для

* Фирсов М.А. 1928. Качурка китайская (*Oceanodroma monorhis*, Swinhoe) в окрестностях Владивостока // *Зап. Владивост. отд. РГО (ОИАК)* 1 (18): 71-73.

посещения; удобных мест высадки нет, уже при небольшом ветре высадка на них не безопасна. Кроме того, группа эта не представляет интереса для посещения промышленниками, т.к. хотя на этих островах и появляются иногда сивучи *Eumetopias jubatus*, но охота на них в период появления их здесь (весною) мало добычлива и охотятся на них здесь редко. Вот причина, по которой, я думаю, о жизни китайской качурки в наших водах до сих пор сведений не было.

Промышлявшими корм днём я этих птиц не видел – все они группкой сидели неподвижно на берегу, с вытянутыми шеями – в состоянии глубокого покоя. Бывший со мною охотник промышленник сообщил мне, что птичек этих он встречал давно на камнях Верховского, называл их морскими ласточками, и ему известно, что деятельность свою они проявляют только по ночам. Охотнику этому на указанных островах приходилось бывать только в мае месяце, специально на охоту за сивучами (сивучи в этом месяце охотно посещают острова Верховского) и он всегда в это время встречал качурку. В другое время ему в этой местности бывать не приходилось и, следовательно, наблюдать, как долго эта птичка находится в нашей местности, не удалось.

На других островах, расположенных в том же районе, китайской качурки я не встречал. Так как все другие окрестные острова более посещаемы людьми – видимо, качурка эта не выносит близкого присутствия человека и селится только там, где её почти не беспокоят.

Из двух добытых экземпляров китайской качурки мною набиты чучела, которые хранятся: одно в моей коллекции, а другое в зоологическом кабинете Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке.

Судя по обстоятельному труду В.Л.Бианки (1913), вышеуказанные два чучела из добытых в русских водах китайских качурок пока являются единственными экземплярами и на все хранилища таковых экспонатов СССР.

Литература

- Бианки В.Л. 1913. *Colymbiformes u Procellariiformes*. СПб., 2: 385-979 (Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоол. музея Акад. наук. Птицы Aves. Т. 1. Полутом 2).
- Мензбир М.А. 1895. *Птицы России*. М., 1: I-CXXII, 1-836.

Наблюдения над редкими и малоизвестными птицами Московской губернии

А.М.Каминский

Второе издание. Первая публикация в 1916*

Зелёная пеночка *Phylloscopus viridanus* Blyth.

Зелёная пеночка, представлявшая раньше для нашей губернии большую редкость, теперь стала здесь обыкновенна. С.И.Огнев говорил мне, что он часто наблюдал её в удельном Тесовском лесу, в Можайском уезде, где она на гнездовье встречается очень часто†.

Мне удалось найти гнездо *Ph. viridanus* около села Шарапово, в Звенигородском уезде, в смешанном лесу недалеко от просёлочной дороги. Находилось оно в почти вертикальной, сплошь покрытой мхом стенке ямы, образовавшейся от того, что в этом месте брали песок. Отверстие летка было в 1¼ аршина от края ямы и в 1 аршине от дна её. Гнездо сводчатое, построенное почти из одного зелёного мха с прибавлением небольшого количества сухих стебельков и кусочков полуистлевших листьев; лоточек бедно выстлан конским волосом. Размеры гнезда таковы, мм: высота всего гнезда 130, длина гнезда 120, ширина гнезда 85, глубина лоточка 20, диаметр лоточка 50, высота бокового летка 35, ширина летка 40.

5 июня 1914 пеночка уже насиживала, причём на гнезде сидела так крепко, что слетела только тогда, когда я протянул руку, желая закрыть боковой лоток. Кладка состояла из 6 ещё очень слабо насиженных яиц,— чисто-белых, правильной яйцевидной формы, со слабо-блестящей скорлупой. Размеры их, мм: 16.5×12, 16×12, 16×12, 16×12, 15.5×11.5, 15.5×11.5.

Потревоженные птички прыгали по нижним веткам соседних кустиков и посвистывали как веснички *Ph. trochilus*.

* Каминский А.М. 1916. Наблюдения над редкими и малоизвестными птицами Московской губернии // *Орнитол. вестн.* 7, 4: 242-246.

† Что зелёная пеночка в настоящее время обыкновенна в центральной части Европейской России, в том числе и в Московской губернии, сообщалось уже не раз. Возможно, что ранее здесь она действительно была редка: по крайней мере до 1895 года в губерниях Ярославской, Тверской, Московской и Тульской мы знали лишь о редких случаях нахождения этой птички. В Смоленской губернии она была замечена впервые в 1910 году, а теперь даже и здесь очень обыкновенна. Как бы то ни было, но данных о результатах наблюдений над гнездованием зелёной пеночки в пределах нашей губернии, с более или менее подробным описанием устройства её гнезда, периода насиживания яиц и проч.,— в литературе почти нет, и поэтому сведения, приводимые А.М.Каминским в этой заметке, являются для нас весьма ценными. — Г.И.Поляков, редактор-издатель «Орнитологического вестника».

Славка-завирушка *Sylvia curruca* L.

В «Primitiae Faunae Mosquensis» К.А.Сатунин отмечает эту славку редко гнездящейся у нас птицей (*nR.*)*.

Я наблюдал *Sylvia curruca* на гнездовье два раза. Одно гнездо было найдено мною около Немчинова, в Московском уезде. Оно находилось на лесной опушке, в кустарнике у изгороди, и помещалось на шиповнике приблизительно в 1 аршине от земли.

10 июня 1912 в гнезде было 3 яйца. Основная беловатая окраска их покрыта поверхностными бурыми пятнышками и извилинками и глубокими серыми пятнами. Размеры их, мм: 16×12, 15.5×12, 15.5×12.

Другое гнездо найдено около деревни Акуловка, в Дмитровском уезде, на маленьком кустике в межевой канаве, идущей вдоль лесной просеки. Канавка эта, поросшая ивняком и другим кустарником, местами была с водой. Гнездо находилось в $\frac{3}{4}$ аршина от земли, в развилке. 4 июня 1913 в нём было 5 яиц, из которых я взял одно. Оно с более крупными глубокими пятнами и с более жёлтым фоном, нежели яйца вышеописанной кладки. Его длина 16 мм, а ширина 12 мм.

Оба гнезда были построены из сухих стебельков злаков, с лоточками, выстланными конским волосом.

Мухоловка-белошейка *Muscicapa collaris* Bechst.

Гнездо мухоловки-белошейки я нашёл около Камкина, в Подольском уезде, в лиственном лесу недалеко от реки Пахры. Помещалось оно в дупле почти горизонтально растущей, а затем поднимающейся кверху берёзы. Отверстие дупла, в которое с трудом проходила кисть руки, было приблизительно в $1\frac{3}{4}$ аршина от земли. 28 мая 1914 в гнезде находилось 6 голых птенцов, а под ними – разбитое яйцо, похожее на яйца мухоловки-пеструшки *Muscicapa atricapilla*, но значительно бледнее их. На гнезде мне удалось поймать самца†.

Снегирь *Pyrrhula pyrrhula* L.

Мне удалось найти 6 гнёзд снегиря около села Покровское, в Московском уезде. Все они помещались в густых еловых зарослях в смешанном лесу, недалеко от опушки. Гнёзда были двух типов, – именно:

* Это, в настоящее время по крайней мере, не верно: под Москвою и в Богородском уезде, например, славка-завирушка на гнездовье не представляет редкости. Однако подробных сведений о гнездовании у нас и этой птички в литературе совсем нет. – Г.П.

† Если только в данном случае не было ошибки в определении (добытого экземпляра я не видел), то сведение о нахождении автором мухоловки-белошейки и притом в качестве определённо гнездящейся здесь птицы – весьма интересно. До находки А.М.Каминского мы знали из указания Ф.К.Лоренца, что один самец этой, по-видимому действительно очень редкой у нас, птички был пойман 4 мая 1890 у деревни Черепково, в Московском уезде. Но не надо забывать, что покойный Фёдор Карлович свидетельствует на этот раз не на основании личных наблюдений, а со слов птицелова, и что птицеловы отлично знали о заинтересованности Лоренца в птицах изучаемой им Московской губернии. – Г.П.

а) построенные из одних еловых прутиков в 2-3 мм толщиной, с лоточком, скудно выстланным сухими травинками и конским волосом; и б) построенные из тонких еловых прутиков и зелёного мха, составляющего главную массу гнезда, с лоточком, выстланным перьями и волосом или шерстью и волосом. Гнёзда второго типа аккуратнее свиты и более плотные.

1-е гнездо. Помещалось на боковой ветви молодой ели, у ствола, приблизительно в 2½ аршина от земли. Размеры трёх гнезд приведены в таблице. 26 июня 1915 в гнезде было 3 почти совсем оперившихся птенца, а под ними четвёртый – представляющий ссохшийся трупик, с махами и рулями ещё в чехликах.

Размеры гнёзд снегиря (см)

Промеры	1-е гнездо	2-е гнездо	3-е гнездо
Вышина всего гнезда	8	8.5	7
Длина гнезда	25	17	14
Ширина гнезда	20	14	10.5
Глубина лоточка	4	5.5	4.5
Длина лоточка	10	8	7
Ширина лоточка	7.5	7.5	6.5

2-е гнездо. Также находилось на ели, но в 6 аршинах от земли. Размеры его – см. таблицу. 29 июня 1915 в гнезде я нашёл 2 яйца-болтуна. Размеры их, мм: 20×13 и 18×13.5.

3-е гнездо. Также на ели, но в 5 аршинах от земли. Размеры его – см. таблицу. 30 июня 1915 в гнезде находились 5 сильно насиженных яиц, со слабо блестящей тонкой скорлупой; беловатый фон последней покрыт редко расположенными глубокими красноватыми пятнышками и поверхностными чёрно-бурыми пятнами и точками. Размеры яиц, мм: 21.5×15, 21×15.5, 21×15, 20.5×15. Насиживала самка. Когда я подошёл к гнезду, она слетела и уселась на соседнюю ель. Вскоре к ней присоединился самец и обе птички, немного покричавши, улетели. Остальные гнёзда были найдены уже после вывода птенцов*.

Сибирский снегирь *Pyrrhula cassini* Baird.

14 февраля 1916, проходя вблизи села Покровское (Московский уезд), я увидел стайку особей в 15, судя по определению на расстоя-

* Прибавив эти указания автора к имеющимся в литературе и известным мне, но ещё не опубликованным сведениям о гнездовании у нас снегиря, приходится заключить, что он в качестве гнездящейся птицы встречается здесь уж вовсе не так редко, как полагали ранее, и гнездится в подходящих местах, по-видимому, по всей губернии. Интересно отметить, что в местности, где были найдены гнёзда снегиря А.М.Каминским, в настоящее время, как мне известно, лес вырубается и строится какой-то большой завод. Таким образом, находке автора теперь уже суждено иметь лишь историческое значение. – Г.П.

нии, наших снегирей, большинство из которых были самками. Ближайшую ко мне птицу я застрелил. Она оказалась самцом сибирского снегиря *Pyrrhula cassini**.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 612: 2067-2071

К вопросу о полноте изучения орнитологической фауны Московской губернии

Г.И.Поляков

Второе издание. Первая публикация в 1916†

В связи с только что доложенной заметкой А.М.Каминского небезынтересным мне кажется коснуться вопроса, насколько исчерпывающе изучена орнитофауна Московской губернии и изучена ли она настолько полно, что в настоящее время уже назрела необходимость в выработке подробной программы для дальнейших, более детальных, наблюдений над нашими птицами. Таковую программу, между прочим, просил меня составить к сегодняшнему заседанию Комиссии Г.А.Кожевников. Считаю долгом оговориться, что на этот раз я не буду подробно касаться затронутого здесь вопроса, так как главной целью этого, по необходимости краткого, сообщения является лишь желание дать толчок к более интенсивным в будущем наблюдениям над населяющими нашу губернию птицами.

По выходе из печати книги Ф.К.Лоренца «Die Vögel des Moskauer Gouvernements» в 1894 году многие думали, что последующая работа над изучением нашей орнитофауны уже не представит интереса. Сам

* Насколько сейчас помню, впервые сибирский снегирь был отмечен для нашей губернии М.А.Мензбиром в «Revue comparative de la faune ornithologique des gouvernements de Moscou et de Toula», но мне не известно, на основании каких данных. Затем А.Ф.Котс сообщил в № 4 «Дневника» Зоологического отделения Императорского Московского общества любителей естествознания о пойманном 27 декабря 1898 самце этого вида вблизи подмосковного села Останкино, а я в одном из заседаний фаунистической комиссии – о добытом 6 декабря 1909 самце у села Мазилово, в Московском уезде. Мне не представляется невероятным, что, считая сибирского снегиря нашей очень редкой и лишь случайно залётной птицей, мы ошибаемся и что созданию этого ложного представления о численности и характере пребывания встречающихся здесь особей названного вида способствовало главным образом сравнительно очень большое, в особенности при определении на расстоянии, сходство самцов с самками *P. pyrrhula*. Поэтому мне кажется возможным, что после более тщательных исследований у нас будут иметься основания считать сибирского снегиря не случайно залётной птицей нашей губернии, а ежегодно довольно правильно (подобно *Sitta uralensis*, например) посещающей её зимою. – Г.П.

† Поляков Г.И. 1916. К вопросу о полноте изучения орнитологической фауны Московской губернии // Орнитол. вестн. 7, 4: 247-252.

же покойный Фёдор Карлович Лоренц, как мы знаем, опубликовав этот свой труд, исследования орнитофауны Московской губернии лично уже не производил или почти не производил, а следил лишь за поступающими птицами в лавки Охотного ряда, на птичий рынок и в его мастерскую.

Как вам, вероятно, известно, в 1910 году я опубликовал свою работу, относящуюся лишь к одной группе птиц – «Водоплавающих» (Ordo *Pygopodes*, *Longipennes*, *Lamellirostres* и *Steganopodes*). Несмотря на то, что более или менее интенсивные наблюдения производились мною лишь в течение трёх лет, в сейчас названной работе мне пришлось пополнить число видов Московской губернии, внеся в их список 6 новых, ещё никем ранее не отмеченных, именно: поганку малую *Colymbus ruficollis*, среднего *Stercorarius pomarinus* и короткохвостого *S. parasiticus* поморников, чайку хохотунью *Larus cachinnans*, красноногого нырка *Netta rufina* и полярную кайру *Uria brünnichi*. Кроме того, мною здесь же констатировалось гнездование в пределах изучаемой местности: чернозобой гагары *Urinator arcticus*, сизой чайки *Larus canus*, серой утки *Anas strepera* и красноголового нырка *Marila ferina*, что ранее не было известно достоверно. Число же птиц, упоминающихся в книге Ф.К.Лоренца, благодаря этим кратковременным наблюдениям пополнялось, кроме перечисленных выше видов, ещё двумя, а именно: морянкой *Harelda hyemalis* и синьгой *Oidemia nigra*, следовательно, всего 8 видами. Наконец, на основании моих литературных изысканий, т.е. изучения работ, вышедших ранее «Die Vögel des Moskauer Gouvernements», статей о птицах вообще Европейской России и об их путях пролёта, – к этому числу оказалось возможным прибавить ещё 11 видов, не приводимых Фёдором Карловичем, но отмеченных для нашей губернии прежними наблюдателями. Таким образом, число птиц, приведённых в книге Лоренца и относящихся лишь к четырём упомянутым отрядам, благодаря моей статье пополнилось всего 19 видами.

Не благополучнее обстоит дело и с другими отрядами. Возьмём для примера ordo *Charadriiformes*. Гаршнепа *Gallinago gallinula*, на основании имеющихся в литературе сведений, нам приходится пока относить к числу наших чрезвычайно редких, может быть, лишь случайно гнездящихся птиц. Однако он на гнездовье здесь, по-видимому, вовсе уж не так редок: на это указывают мои ежегодные наблюдения его токования сравнительно поздней весной (во второй половине апреля) на карьерах выработанных торфяных болот в Богородском уезде. По указанию Ф.К.Лоренца, чернозобик *Tringa alpina* и куличок-воробей *Tringa minuta* являются гнездящимися птицами Московской губернии, причём первый встречается здесь на гнездовье даже часто. Сведения эти, в особенности в отношении чернозобика, представляются

мне весьма мало правдоподобными, однако же они повторяются в ряде последующих работ и только потому, конечно, что мы не имеем пока определённых данных для их опровержения. С другой стороны, нам до сего времени ничего определённо не известно о гнездовании здесь кулика-сороки *Haematopus ostralegus*, не представляющего, однако, редкости в качестве гнездящейся птицы в соседних Ярославской и Тверской губерниях. Мне не кажется невероятным, что кулик этот гнездится и у нас по песчаным отмелям больших рек.

Глупая сивка *Eudromias morinellus* отмечена М.А.Мензбиром в «Revue comparative de la faune ornithologique des gouvernements de Moscou et de Toula» и затем К.А.Сатуниным в «Addenda» к списку птиц в «Опыте каталога представителей московской фауны» более или менее обыкновенной пролётной птицей, а между тем нам известно пока лишь об одном случае нахождения этой ржанки в пределах нашей губернии: по свидетельству Ф.К.Лоренца, один самец *Eudromias morinellus* был выбит в конце августа 1896 года из стайки в 4 птицы, замеченной в поле у Воробьёвых гор.

Судя по отметкам, обозначающим в упомянутом мною выше «Revue» характер пребывания и степень распространения птиц в нашей губернии, среднего кроншнепа *Numenius phaeopus* мы должны были бы отнести к числу обыкновенных, гнездящихся здесь видов! Песчанка *Calidris leucocerphala* была отмечена для Московской губернии впервые мною, за всё время коллектирования *лишь один раз съездившим специально для добывания куликов в период их пролёта* на Монастырское озеро, лежащее в ближайших окрестностях нашего имения в Богородском уезде. У меня есть основания предполагать, что после более тщательных исследований нам не придётся относить кулика-галстучника *Aegialitis hiaticula* к числу *повсеместно* редких пролётных птиц нашей губернии. Кроме того, мы почти ничего не знаем о характере пребывания и степени распространённости у нас: травника *Totanus totanus*, веретенника *Limosa limosa*, мородунки *Terekia cinerea*, поручейника *Totanus stagnatilis*, щёголя *Totanus erythropus*, даже турухтана *Machetes pugnax* и др.

Перейдём теперь к другому отряду – ordo Passeriformes, который, как нам известно, изучался покойным Фёдором Карловичем гораздо усерднее, чем предшествующий. Приступив к коллектированию птиц этого отряда, я как то раз обратил внимание на одно место с зарослями камыша, среди недоступной для пешехода топи, в уже сильно зарастающем карьере выработанного торфяного болота вблизи нашего имения в Богородском уезде. Мне подумалось тогда, что здесь возможно найти вертлявую камышевку *Acrocephalus aquaticus*, так как описанная сейчас местность, судя по литературным данным, представляла излюбленную стацию этой птички. Дня через два, с помощью

нарочно привезённой лодки, я добрался до топи и... в результате наблюдал три экземпляра *Acrocephalus aquaticus*, из которых двух добыл; судя по всему, вертлявые камышевки здесь, несомненно, гнездились. Напомню, что птичка эта ранее ни кем ещё не была отмечена не только для нашей губернии, но и для более южных — Рязанской и Смоленской; в Тульской губернии она наблюдалась лишь дважды: по одному экземпляру на весеннем и осеннем пролётах.

В том же году я нашёл в заросшем карьере торфяного болота, в Никольско-Аверкиевской казённой даче (Богородский уезд), гнездящуюся парочку ястребиной славки *Sylvia nisoria*, ранее наблюдавшейся на гнездовье в нашей губернии, насколько мне известно, только Ф.К.Лоренцем и, по-видимому, лишь в садах на Воробьёвых горах.

Большой сорокопут *Lanius excubitor*, отнесённый Фёдором Карловичем к числу чрезвычайно редких гнездящихся птиц Московской губернии, был найден на гнездовье в Можайском уезде покойным Е.В.Тарасовым, любезно согласившемся собирать для моей коллекции здесь птиц в течение каких-нибудь двух летних месяцев.

Докладывая в заседании Комиссии для исследования фауны Московской губернии 25 октября 1916 содержание заметки А.М.Каминского, как нам известно, *лишь принявшегося* за изучение наших птиц, я уже сообщал вам (см. статью на с. 2064-2067) о нахождении им мухоловки-белошейки *Hedymela collaris* и сибирского снегиря *Pyrrhula cassinii*. Теперь могу добавить к сказанному, что вчера было получено мною от автора этой заметки письмо, в котором он сообщает о найденном им в пределах Московской губернии гнезде белокрылого клеста *Loxia bifasciata*, что является новостью, так как ранее лишь предполагалось (Лоренцем) возможность гнездования у нас этой птицы на основании наблюдений здесь в июле молодых в ещё полном гнездовом оперении.

Возьмём отряд Gruiformes, над которым мне, по недостатку времени, работать почти совсем не пришлось. Однако благодаря моим исследованиям удалось констатировать нахождение в уездах Серпуховском и Клинском малой болотной курочки *Porzana parva*, вовсе не отмеченной ранее для Московской губернии. Камышница *Gallinula chloropus*, по свидетельству Ф.К.Лоренца, на гнездовье у нас редка: он имел случай получить единственный раз молодую птицу этого вида из Подольского уезда. Редкой гнездящейся птицей нашей губернии отмечена она и всеми остальными орнитологами. По моим же наблюдениям, камышница в Богородском уезде, по крайней мере в нашем имении и его ближайших окрестностях, является обыкновенной гнездящейся птицей.

Я мог бы привести здесь ещё несколько подобных примеров, касающихся птиц и других отрядов, но они только увеличили бы и без

того затянувшееся это сообщение, из которого, мне кажется, нельзя не заключить, что изучение нашей орнитофауны ещё очень далеко не доведено до конца: мы видели, что появление каждого нового орнитолога, принявшегося более или менее серьёзно за исследования, неминуемо приводит в самом скором времени к так называемым «находкам», благодаря которым продолжает пополняться не только собранный ранее биологический материал об отмеченных уже птицах, но даже и число известных для нашей губернии видов.

Перелистывая книгу Ф.К.Лоренца – единственную пока «большую» работу, посвящённую орнитофауне Московской губернии, – мы видим, что она в отношении огромного большинства перечисленных в ней птиц представляет почти голый перечень видов. Очень немного дала нам биологического материала и позднейшая литература, заключающаяся в упоминаемой в начале этого сообщения моей работе о птицах группы «Водоплавающих» и, насколько сейчас помню, двух-трёх небольших заметках, опубликованных мною и С.И.Огневым. Таким образом, мне кажется, без особого преувеличения можно сказать, что биологии птиц собственно Московской губернии мы почти совершенно не знаем. Между тем как именно на основании результатов биологических исследований и в особенности – наблюдений над гнездованием, мы могли бы решать наиболее интересные вопросы орнитологии.

Заканчивая своё сообщение, я прихожу к заключению, что подобную программу для дальнейших орнитологических исследований в Московской губернии вырабатывать сейчас ещё преждевременно, так как все наши птицы, за исключением детально изученного Ф.К.Лоренцем отряда Galliformes, требуют в том или другом отношении интенсивного изучения.

Л и т е р а т у р а

- Поляков Г.И. 1910. К орнитологической фауне Московской губернии. Птицы отрядов *Pygorodes*, *Longipennes*, *Lamellirostres* и *Steganopodes* // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **10**: 1-211.
- Lorenz Th. 1892-1894. Die Vögel des Moskauer Gouvernements // *Bull. Soc. nat. Moscou*. N.S. **6**: 263-321, **7**: 337-354, **8**: 325-350.
- Menzbier M. 1881. Revue comparative de la faune ornithologique des gouvernements de Moscou et de Toula // *Bull. Soc. nat. Moscou* **56**, 1: 209-219.

